
ВМЕСТО НАЧАЛА

Я знал, что у меня ничего не получится. Оставалась надежда получить хоть что-то.

Я был знаком со многими интервью Маркуса Вольфа, за этими многочисленными текстами или передачами я улавливал противоречие между желанием разузнать, свойственным каждому интервьюеру, и неизменной дистанцией отвечавшего на вопросы, противоречие между жаждой сенсации одной из сторон и очень дружественной, но неизменной недоступностью другой. Иногда казалось, будто правда постановки вопроса и правда ответа не хотели совпадать; возникало впечатление, будто Вольф отдавал предпочтение ничего не значащим словам, которые язык нашей публицистики с удовольствием проглатывает. Очень трудно с помощью пилки для ногтей расцарапать крепостные стены. Во всяком случае, складывалось такое впечатление.

Беседы с Маркусом Вольфом, опубликованные ниже, начались в июле 2006 года, внезапная смерть Вольфа четырьмя месяцами позже, в ноябре, оборвала эти беседы. Они далеко не были

завершены. Это – если так можно сказать – несколько вышло за стадию вопросов; мы позволили себе расслабиться, уверенные в том, что у нас достаточно много времени для еще предстоящей стадии дополнительных вопросов.

Толчком для встреч стала идея главного редактора ежедневной газеты «Нойес Дойчланд» Юргена Реентса – в интервью с современниками, которые иногда писали в газете, – вернуться еще раз к событиям двадцатого века. В рубрике «Жизнь авторов» и в духе тех раздумий, которые британский историк Эрик Хобсбом предпослал немецкому изданию своих воспоминаний «Опасные времена». «Куда деваться людям, которые сидели по домам тогда, когда в двадцатом столетии дважды сменились декорации жизни: когда государства и политические системы втягивали и выталкивали людей, когда люди сами по своей воле или насильственно перемещались из многих стран, культур и режимов и между ними? Куда деваться людям в двадцать первом веке, когда мир еще больше теряет свои корни?»

Маркус Вольф, в течение многих лет руководивший разведкой ГДР, окутанный тайной, внушавший страх и ненавидимый – и никогда, ни ранее, ни до сегодняшних дней, – никто не знал, что увеличивало эту ненависть: открыто коммунистические взгляды этого человека или его непостижимость. Вольф делал свою работу, которая только в фильмах о Джеймсе Бонде выглядит легким развлечением. Такую работу, кото-

рая с давних пор находится под подозрением, что она бесчестна. Однако самое бесчестное в ней – это безумное состояние межгосударственных отношений, которое и делает эту разведывательную работу необходимой, возбуждает недоверие, нагнетает враждебность, а войну считает средством решения проблем.

Маркус Вольф родился 19 января в городе Хёхинген, в земле Вюртемберг.

Его отец, Фридрих Вольф, врач и драматург, еврей по национальности; брат Маркуса – известный позднее кинорежиссер Конрад Вольф. Эмиграция в Советский Союз, жил в Москве. Во время войны обучался в школе Коминтерна под Уфой, готовился к заброске за линию фронта. Школу, однако, распустили. Вольф – комментатор на радио «Дойчер Фольксзендер» в Москве. С «группой Ульбрихта» возвращается в Берлин, работает на радио Берлина, корреспондентом на Нюрнбергском процессе над военными преступниками. Чуть было не стал драматическим актером. Вангенхайм хотел дать ему роль рыцаря-храмовника в пьесе Лессинга «Натан Мудрый». Ульбрихт не позволил. После двух лет работы в посольстве ГДР в Москве его направляют в разведывательную службу, а вскоре он становится руководителем Главного управления разведки в Министерстве госбезопасности ГДР. Разоблачение Гийома, умело использованное противниками Брандта для отстранения его с поста канцлера, стало самым ярким событием публичной

жизни эры Вольфа. В 1986 году он уходит из разведки по собственному желанию. В 1993 году предстает перед судом в Дюссельдорфе по обвинению в государственной измене. Верховный суд ФРГ отменяет приговор, во втором процессе его приговаривают к двум годам заключения условно. В своей книге «Тройка», вышедшей в 1989 году, он коснулся также и запоздалой, кратковременной и в конце концов оказавшейся напрасной истории гласности в ГДР.

Уже упомянутый выше Эрик Хобсбом отмечает в своих мемуарах: «Большинство членов партии в ГДР и, весьма вероятно, большинство интеллектуалов партии до конца верили в социализм в той или иной форме. В отличие от многих немецких эмигрантов, живших в СССР, среди них почти не было реформаторов коммунизма, которые превратились в стопроцентных проамериканских адептов холодной войны. Однако чем дальше, тем больше они теряли веру. Маркус Вольф, человек выдающихся способностей, говорил мне, что к концу семидесятых годов он пришел к выводу, что система в ГДР не срабатывала. Несмотря на это, даже в последние мгновения существования ГДР он публично выступил как коммунистический реформатор – необычная позиция для шефа службы разведки».

Он постоянно подчеркивал внешнюю направленность работы своей службы и считал «несчастьем» расширение противозаконной шпионской деятельности на внутреннюю жизнь ГДР,

однако из-за этого он никогда не отрицал своей ответственности за систему подавления, формально закрепленную положениями о министерстве; поэтому всегда выступал против того, чтобы огульно обвинять всех сотрудников МГБ ГДР в наказуемых действиях, – и именно за эту позицию его, одного из ораторов, выступившего на митинге 4 ноября 1989 года на Александрерплац, громко освистали.

Его жизнь – это типично немецкая печальная судьба, и смысл ее в том, что с давних пор все заканчивается безрадостным сознанием. Немцы изгоняют немцев – так Маркус Вольф пришел к интернационализму. Немцы против немцев. Так он оказался у незримого прицела. Жизнь между войной и новой войной – одна горячая, другая холодная, обе одинаково безжалостны. Целое столетие бурлило и бросало людей в такие дали, первым признаком которых была чужбина, а вторым – груз ответственности за решения, которые приходится принимать при полном отсутствии свободы, «в холоде и тьме» (Генрих Бёлль). Холод не стал меньше в мирной жизни, которая всегда была первой великой целью, а тьма не уменьшилась в поисках солнечного мира социализма, который должен был стать второй великой целью. Неудача постигла еще и потому, что цель считали уже достигнутой там, где ее только провозглашали.

Хотя Вольф в наших беседах сосредоточил всё внимание на абсолютно значимых общих вопро-

сах и на значимости общего целого, его взгляд привычно скользил по небольшому кусочку бранденбургской природы – озеру и деревьям. Несколько кошек, носившихся по комнатам, способствовали отнюдь не желанию пофилософствовать, а, скорее, хладнокровию при взгляде на последние события. Как и то, что преходящее время жизни повышает интенсивность восприятия окружающего воздуха, света и облаков. Непосредственно того, что составляет любую жизнь. Какие возможности еще остаются? Конечно, он хотел бы написать о «Красной капелле», об этой величественной оптимистической трагедии мужества; о женщинах, действовавших в антифашистском подполье, их судьбы также волновали его; к тому же были еще и его дневники, которые настойчиво требовали обработки, – резкие сердитые записи семидесятых и восьмидесятых, хранившиеся в сейфе вопреки правилам (и легкомысленно?) в его рабочем кабинете.

Эта книга, возникшая в результате пяти встреч с Маркусом Вольфом, не имеет названия. Это просто – «Последние беседы» К сожалению, ничего больше, и, к счастью, – не меньше. Фрагменты, лишь едва соответствующие правилам жанра интервью, образующим его, тому, что превращает сказанное слово в печатное. Я не знаю, что получилось бы из них. Гюнтер Гаус просил своих собеседников, чтобы они сообщали о тех сторонах жизни, в которых описание жизни

«служило бы примером, если хотите, примером положительного или отрицательного. Предполагаемый портрет был бы всё же неполным, если бы он не содержал большого количества конкретных привязок к миру тех идей, которые исповедует портретируемый».

Когда умирает человек, с которым ты только что говорил, только тогда позволителен вопрос, который, пожалуй, был бы самым важным при жизни, вопрос, затрагивающий любое мгновение жизни: что важнее – человек или то, что останется после него?

Я благодарю Гизелу Годзински, Ирмтрауд Гучке, Райнера Генге, Герду Иршик, Анну Люфт, Хольгера Нельке, Маргит Ступка и Ангелу Вихман за помощь в создании этой книги.

Большое спасибо, Андреа Вольф. Спасибо, Маркус Вольф.

Х.-Д. Ш.

Берлин, январь 2007 года

НЕ ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ

Пренден, июль 2006

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Г-н Вольф, Ваша книга «По собственному заданию», вышедшая в 1991 году, с ее итогами и выводами содержала Ваши дневниковые записи за 1989 год. Начинается она фразой: «Мы прожили жизнь зря?». Это вопрос к отцу, Фридриху Вольфу, брату Конраду Вольфу – это вопрос, который Вы поставили сами себе. Это исследование того, что остается от жизни, которую хотелось посвятить социализму и которая осталась верна социализму, несмотря на все обстоятельства этого сурового XX столетия. В конце записей, в конце этих решающих месяцев, которые преобразили ГДР и в конце концов стали основой этой заключительной главы, Вы снова поставили этот вопрос: мы прожили, я прожил свою жизнь зря? Свой ответ Вы дали в последних словах книги: «Ум и сердце не хотят в это верить». Как бы Вы ответили сейчас, пятнадцать лет спустя, на этот вопрос?

МАРКУС ВОЛЬФ: Непосредственно после гигантских переворотов 1989 и 1990 годов этот вопрос встал очень остро для многих людей, так же как

и для меня. Это вопрос, который накатился извне, как волна, набежавшая на стену крепости, считавшейся прочной, как скала, о которую разбиваются волны, и на эту волну сначала обратили совсем мало внимания – именно потому, что никто не хотел думать о сокрушительном прорыве. Именно потому, что всё ещё думалось, будто можно не тревожиться, веря в правильность идеи, которой до этого времени питалась жизнь.

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Та жизнь, которую считали своей?

МАРКУС ВОЛЬФ: Нет, я могу сказать – я действительно жил для нее. Но эта волна подмыла основание крепости, если оставаться верным правде: поначалу не без удивления люди заметили только, что намокли ноги, как внезапно вода – откуда бы, казалось, ей тут быть – поднялась до горла. Общая безопасность и безопасность личности рушились, как замки из песка на морском берегу. Этот вопрос – а не напрасными ли были все устремления и сама жизнь – чем дальше, тем больше становился проблемой внутреннего состояния. Сам вопрос тоже занял другое место: он возникал уже не извне, он шел из глубины собственного сердца. Я очень долго не мог отделаться от него.

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Этот вопрос может сломить?

МАРКУС ВОЛЬФ: Меня он не сломил. Это, однако, вовсе не свидетельствует о том, что у меня не

было достаточно серьезного желания ответить на этот вопрос, даже тогда, когда ответы на него могут оказаться неудобными для самого себя. Чем серьезней относишься к такому вопросу, тем запутанней оказываются ответы на него, – я в своих книгах недвусмысленно пытался это показать. Верно, что ответы на определенные вопросы, к сожалению, никак не делают человека самостоятельней и уверенней в себе, а, скорее, вселяют неуверенность. Однако, несмотря на это, я сегодня со всей определенностью отвечаю: я прожил жизнь не зря. Было бы чистым абсурдом признать жизнь бесполезной. Моя жизнь была стоящей – стоящей в счастье, то есть во всем том, что удалось, но также и в болезненном опыте и даже в крушении.

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Умозаключение именно с оглядкой на профессиональную жизнь, которая в конце вызвала такие нападки?

МАРКУС ВОЛЬФ: Да, конечно. Однако эта уверенность не является выражением преднамеренной слепоты. В связи с поражением социализма, которое я не считаю окончательным итогом, – следует ясно сказать без приукрашивания, но и без самоутешения! – о жестоком поражении с далеко идущими последствиями, и я ни в коем случае не отрекаюсь от того, в чем принимал участие.

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Как в работе по созиданию, так и в работе по разрушению?

МАРКУС ВОЛЬФ: Да, конечно. И в той, и другой. Поскольку разрушение, если хотите, тоже было работой. Ведь поражение пришло к нам не просто неизвестно откуда, мы сами в существенной части его произвели. Если позволите злую самоиронию: мы его сами себе, так сказать, выработали. Несмотря на это, я благодарен судьбе или еще кому бы то ни было, что я стоял на этой, социалистической стороне в общественной борьбе XX столетия.

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Стефан Хермлин говорил: «Те, кто выстоял, благородные души, кто не сказал ни слова за, ни против, те, кто отказывался от борьбы и в ней не участвовал, – они никак не пострадали. Я не хотел бы остаться непострадавшим, следуя их примеру».

МАРКУС ВОЛЬФ: Я с этим согласен. Весьма охотно и всей душой я согласен.

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Конечно, это высказывание – взгляд из ретроспективы и со стороны. У рефлексии есть ответы на все вопросы, у жизни в каждый данный момент их нет. У человека отсутствует простое понимание, что его ждет, когда жизнь ведет в неизведанное, а в жизни постоянно приходится идти только в неизведанное.

МАРКУС ВОЛЬФ: Следуя идее, не замечаешь, что по пути создается реальность, которая одновременно и по большей части почти всегда оказывается совершенно иной, чем представление

о ней. Но, как уже было сказано, я считаю, без всяких «если и но», что я отдавал свои усилия некоему стоящему делу, и те ошибки, которые были связаны с этими усилиями, не обесценивают саму цель. Кроме этого, если Вы спрашиваете меня о смысле моей жизни, следует добавить то, что многое определило: у меня был чудесный родительский дом, прекрасный брат, такая же чудесная жена и собственная семья. При этом вопросе, прожита ли жизнь зря, на передний план выдвигаются либо общественные обстоятельства, либо твои способности создать свое личное счастье. Если рухнет система, в которой ты сам принимал активное участие, то, естественно, именно общественное стремительно и надолго выходит на передний план. Это больно, когда упорные старания, многие амбиции и усилия, даже хорошие результаты в конечном счете поглощаются историей, как пыль пылесосом, и там, оказывается, будто бы и не было никогда и ничего, кроме преступлений и провалов. Однако всё это будет рассмотрено иначе, а именно более дифференцированно, в этом я убежден. Радикальное развенчание попытки построения социализма, которое совершается сегодня, – это не рассуждения о былых сражениях, вовсе нет, – эти осуждающие приговоры есть часть той битвы, которая еще далеко не закончилась. Короче, я вижу в жизни и то, и другое: крупные политические и более мелкие личные ситуации, и я говорю, имея в виду и те, и те, об очень насыщенной жизни.

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Но искупит ли это скорбь о преступлениях, которые в связи с социализмом останутся в истории?

МАРКУС ВОЛЬФ: Нет. Особую боль причиняет то, что уже ранее случилось в Советском Союзе, который нам, Вольфам, после 1933 года стал второй Родиной. Сегодня я знаю то, чего я, как и многие другие люди, долгое время не знал так ясно. Я каждый раз испытываю потрясение, когда читаю о том, что разыгрывалось там, о преследовании и уничтожении собственных людей – в том числе и в разведке. История «Красной капеллы» – группы антифашистского Сопrotивления, которой я интенсивно занимался и занимаюсь, является, почти как в любой области жизни, еще одной историей чудовища под названием «сталинизм». Даже сегодня мы узнаем новые ужасные подробности того, что происходило в тридцатые годы, и это противоречие – между готовностью идти на жертву за идею, против фашизма, и тем отвратительным уничтожением людей в собственном отечестве, происходившим в некотором роде под тем же знаменем, – останется позорным пятном, и его нельзя оправдать ни классовой борьбой против внешних врагов, ни угрожающим отовсюду империализмом. Я всегда говорю: глубокая скорбь охватывает тебя, как только приближаешься к этой теме. Скорбь, но одновременно и решимость не позволить ничего отнять у себя – ни стыда, ни даже права на этот стыд; он – мой.

И никак иначе. Нужно внимательно смотреть, чтобы боль за произошедшее оставалась важнее, чем боль за то, что мир узнает о нем. Ведь это и было главной моральной проблемой сталинизма: о чем мир не знает, того и не было; хорошо скрытое преступление не является преступлением.

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Как бы Вы определили свое чувство жизни, каким оно было в то время? Несмотря на упомянутое чувство скорби, несмотря на удручающий опыт, несмотря на Ваше выдающееся положение при развале системы, – Вы в конце концов стали свободным человеком. Вы пишете, Вы ведете интересную жизнь после окончания службы.

МАРКУС ВОЛЬФ: Мое чувство жизни по сути не отличается от того, какое было у меня всегда. Я всегда довольно решительно реагировал на новые ситуации, я приступал к решению проблемы без излишних колебаний. Грубо говоря, я принимал жизнь такой, какой она была. К тому же у меня всегда было ощущение конкретной реальности, которую нужно принимать. А то, что происходило вокруг меня, при внимательном рассмотрении не могло мне причинить большого вреда. В этом, конечно, различие склада ума у меня и моего брата Конрада. Возбуждение, возникшее в годы Поворота и после него, у меня прошло, в мою жизнь вошло некоторое спокойствие. Я знаю, что у меня не так уж много времени; как раз сейчас раздумываю

под этим углом зрения, что имеет смысл начать – какие, например, писать книги. В некотором роде – напряженная расслабленность, если такая вообще существует, сейчас я ее себе позволяю. Планирование без нервозности. Любопытство без завышенных ожиданий, но тем не менее – любопытство. Мне бывает смешно, когда я вижу, как мир суетлив, каким важным он себя выставляет; и еще больше я смеюсь над теми, кто всё еще думает, будто они могут ко мне с чем-нибудь придрататься. С годами становишься спокойнее. Нередко мир представляется мне как Шпрее, которая течет под окнами моей квартиры в Берлине. Из окон открывается вид на реку, танцующую хороводом водоворотов. У меня прекрасная возможность наслаждаться природой и здесь, в нашем доме в бранденбургском лесу. Такая жизнь в гармонии с природой была одним из самых ярких переживаний детства. Отец, врач-натуропат, передал нам в плоть и кровь это чувство. Однако сегодня, когда почти безграничное время жизни давно сократилось до обозримого отрезка времени, ощущаешь природу более обостренно, наслаждаешься каждым днем, восхищаешься игрой цвета в лучах солнца...

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Когда вспоминаются яркие события жизни – кем Вы были: их активным участником или, скорее, тем, кто приспособляется к ситуации? Вы только что сказали об «ощущении реальности».

МАРКУС ВОЛЬФ: В разных областях, где мне приходилось работать, – это началось в 1945 году с окончанием войны – я всегда старался наилучшим образом выполнить те поручения, которые мне давались, конечно, как правило, партией. Когда в 45-м году уже в Берлине меня направили работать на радио, я не очень радовался; меня совершенно не прельщала перспектива просиживать штаны за письменным столом. Однако я начал трудиться и делал это с полной отдачей, и работа стала доставлять мне удовольствие. После возникновения ГДР меня, как знатока дела, естественно, послали в Москву создавать посольство, и мне одному пришлось там быть чуть ли не во всех лицах. Так продолжалось около двух лет. Действительно, я всё делал сам, посол часто болел, и какое-то время мне пришлось даже исполнять обязанности поверенного в делах. Жизнь заставляла выполнять различную работу, в том числе и организационную; там опять не было времени раздумывать о том, что мне больше хотелось бы делать или кем бы я хотел быть. И так же всё происходило и в дальнейшем. Ведь и направление на работу в разведку я не считал воплощением моего жизненного призвания, к которому я осознанно стремился. По сути дела, я совершенно не был готов к чему-либо подобному, я был, если хотите, втянут в это, но так произошло – и стало делом моей жизни. По различным причинам, о которых, конечно, еще пойдет речь, я ушел в отставку в 1986 году. С 1983 года я начал готовить

свой уход. Тогда мне исполнилось шестьдесят. Это дало мне даже формальный повод для ухода в отставку: как жертва преследований нацистского режима я получал право на пенсию. Конечно, для ГДР было совершенно необычным, чтобы с такого поста, как мой, так рано и по собственному желанию кто-либо уходил в отставку. По разным причинам, однако, совпали интересы моего тогдашнего министра Мильке и мои собственные, и я смог начать планомерную подготовку своей отставки. И тогда опять передо мной сразу же встала задача, которая буквально свалилась на меня, как рука судьбы, – работа над книгой «Тройка». Собственно, у меня были другие идеи, я уже тогда хотел написать о своем опыте в службе разведки, о традициях службы под рубрикой «Красная капелла», но духовное завещание моего брата, история сценария фильма оказались мне ближе, трогали меня глубже, и тема вдруг оказалась более связанной с ГДР и современностью, чем с историей. С этой книгой я пережил тогда, если так можно выразиться, эйфорические чтения – встречи с читателями. И вдруг все мы оказались в круговороте событий осени 1989 года. Еще в этом вихре событий у меня появилось желание записать свои ощущения и опыт и тем самым продолжить то, что я начал «Тройкой». Занять какую-либо должность в ходе преобразования СЕПГ (Социалистической единой партии Германии) в ПДС (Партию демократического социализма) я отказался, мне гораздо больше хотелось писать,

изложить свои мысли на бумаге, чем затеряться в политической суете, к тому же это занятие уже не очень соответствовало моему возрасту. Итак, возвращаясь к чувству жизни: у меня никогда не было ощущения, что мне грозит прозябание в пустоте. Я никогда не боялся остаться без дела. Я всегда верил, что жизнь никогда не остановится. К тому же именно в тот момент другая политическая сторона, я имею в виду западногерманскую сторону, невольно помогла мне – своей клеветой и уголовным преследованием. Это заставило подтянуться, собраться, сконцентрироваться и не позволять себе расслабляться. Не в том смысле, чтобы упираться, не признавать ошибок, не задумываться о вине, – нет. Напротив, я был совершенно готов критически осмыслить всё, что происходило под моим началом. Но вот к чему я не был готов и не готов сейчас: согласиться с надругательством и попытками представить как преступление то, что я считал и считаю правильным как с политической, так и с моральной точек зрения.

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Как автор «Тройки» Вы вдруг получили репутацию диссидента из центра власти. 4 ноября 1989 года на ораторской трибуне на берлинской Александерплац Вы были освистаны миллионами участников митинга и считались козлом отпущения за МГБ. Как велико было Ваше разочарование, возможно, даже горечь: народ неблагодарен и несправедлив?

МАРКУС ВОЛЬФ: Я не могу принять этих оценок – ни разочарования, ни горечи, а также согласиться с мыслью, предложенной Вами. Народ не был неблагодарен и несправедлив.

ХАНС-ДИТЕР ШЮТТ: Опишите, пожалуйста, Ваши чувства в тот день 4 ноября. Фридрих Шорлеммер писал: «Генерал-полковник в отставке Маркус Вольф, тогда еще своего рода гарант мирного исхода мероприятия, приглашенный сторонниками реформ снизу и сверху, с трудом смог закончить свою речь, потому что народу надоели его заявления, завуалированные извинения и прямые оправдания – именно от одного из высших представителей этой власти. Ей в принципе было наплевать на людей, и именно на него попросту наплевали».

МАРКУС ВОЛЬФ: Я, собственно говоря, совсем не хотел там выступать. Это было менее всего рациональное соображение, а, скорее, как говорится, почувствовал нутром необходимость выступления. Я буквально ощущал кожей, что мне после тридцати с лишним лет службы в этом министерстве не пристало говорить именно там, где люди впервые свободно, без цензуры, при массах народа выступали за новое государство. Мне было ясно, что этот день станет днем неконтролируемых эмоций – наряду со свободным мнением о том, что отныне всё должно быть по-другому, – нужна свободная критика, нужно резко осудить тех, кто до того стоял на пути подлинного социализма, и я, конечно же,